

Э. Ф.

Две кометы в беззвездном небе

ПЬЕСА
ДЛЯ ТЕАТРА КУКОЛ

В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

с песнями, танцами, трюками,
фехтовальными сценами
и митингами

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА:**

ОКАСАН,
хозяйка чайного дома «Янаги»

КУБОТА,
советник Сацумского князя

О-БАРА,
приемная дочь хозяйки, гейша высшего ранга

ЮБА,
ее ученица

ИДЗУМИ,
приемная дочь хозяйки, гейша высшего ранга

СЭН-ТЯН,
ее ученица

КИНДЗО,
вор

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА

СОГА
по прозвищу Первый Меч, ронин,
живущий в чайном доме

ВТОРОЙ УБИЙЦА

ФУТОЯ,
богатый купец

НЕВИДИМЫЙ,
дзёнин клана синоби

НЕСЛЫШИМЫЙ,
воин клана синоби

Сцена делится на две части, сменяемые поворотом круга. В одной половине декорация постоянная — это сад чайного дома и комната Идзуми; в другой половине декорации меняются. Слева к сцене приделан мостик ханамити, углубляющийся в зал примерно до пятого ряда. Между ханамити и стеной есть пустое пространство. Все время действия на краю сцены, справа, сидит Сказитель — в строгом черном кимоно с гербами. Его слегка подсвечивает бумажный фонарь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

У ворот чайного дома «Янаги», которые гостеприимно распахнуты, установлен помост. В самом его центре на подставке лежит лютия-сямисен, а у края выставлены две подушки: одна побольше и пороскошней, другая поменьше и поскромней. Играет тихая музыка.

Сказитель (бьет деревянной колотушкой в лежащий перед ним барабан — раздается гулкий, негромкий звук).

Вот чайный дом «Янаги», на всю столицу он
Прославился искусством изысканных пиров.
Почтенная хозяйка, чтоб закрепить успех,
Двух гейш непревзойденных в питомицы взяла.
С тех пор известность дома умножилась весьма,
И ныне повсеместно «Янаги» знаменит.
Из Сяцумы далекой сегодня важный гость
Почтит своим вниманьем изящества приют.
По случаю такому парадные врата
Открыты нараспашку, чтоб каждый видеть мог,
Как высоко отмечен сегодня чайный дом.

С утра уж перед сценой собрался стар и млад.
 Когда еще увидишь танцовщиц и певиц,
 Что тешат слух и зренье лишь знати да купцов?

Перед тем как произнести последнюю строфу, Сказитель бьет в барабан — и на ханамити устремляется публика. Норовя занять место поближе к сцене, зрители рассаживаются спиной к залу. Впереди гейши-ученицы: девушка Юба и девочка-подросток Сэн-тян, за ними купец Футоя и Первый Убийца (он одет монахом, на голове большая соломенная шляпа), потом вор Киндзо и ронин Сога (в золотом кимоно, но с двумя мечами за поясом).

Сказитель (бьет в барабан).

А вот сама хозяйка — Окасан имя ей,
 Что значит просто «мама» — здесь всем она, как мать.
 И гостя дорогого, от радости дрожа,
 Ведет она с почетом на лучшее из мест.
 Ведь господин Кубота по должности своей
 У Сацумского князя советник и министр.

Окасан с поклонами усаживает на почетном месте самурая, сама скромно садится рядом. При появлении гостя все зрители на ханамити склоняются. Пока между Куботой и хозяйкой идет беседа, все сохраняют почтительную неподвижность, только Сэн-тян непоседливо вертится на месте.

Окасан. О, как же мне приятно, что вы, Кубота-сан, меня не позабыли и через столько лет! Ах я, конечно, стала уродлива, стара, но вижу вас — и снова от счастья трепещу.

Изящно закрывает лицо рукавом — делает жест «Приятное смущение».

Кубота. Уж как тебя забудешь? Эх, золотые дни! Но глупо в день осенний лить слезы по весне. Да, мы не те, что прежде. Что было, то прошло, однако быть нам странно в обиде на судьбу. Я сделался вельможей, высоко вознесен, а ты владеешь лучшим из чайных

всех домов. К тебе я прибыл нынче не в память о былом. Я прислан с поручением от князя моего. Их светлости угодно в столице среди гейш избрать себе в услужение наложницу одну.

Окасан изящно взмахивает рукавами — делает жест «Большое радостное изумление».

Князь моему сужденю привычен доверять. Поручено мне было в столицу поспешить. Я к князеву приезду, все обойдя дома, десяток гейш первейших обязан отобрать. Во время представления одну он избрет. Воистину для гейши завидная судьба!

Подумай, сколько денег досталось бы тебе. А как у заведенья поднялся бы престиж!

Окасан. О чести несравненной не смею и мечтать. Мне лучшая награда — что лицезрею вас.

Делает жест «Самая глубокая признательность».

Я покажу вам тотчас, чем славится мой дом. Открою без утайки сокровища свои. Недаром я ворота велела распахнуть. Мой дом и мое сердце открыты так же вам.

Делает жест «Беспредельная искренность».

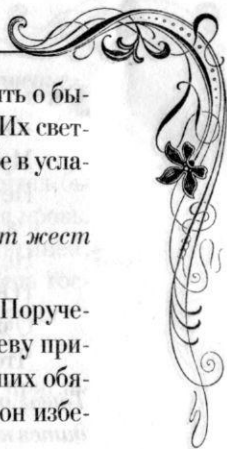
Сначала перед вами О-Бара, дочь моя, свое искусство явит. Не будьте к ней строги.

Хлопает в ладоши.

Появляется приемная дочь хозяйки О-Бара и поднимается на сцену. Она в великолепном парчовом кимоно с алой подкладкой. Высокая прическа украшена заколками в виде бабочек. Лицо, как и положено гейше, густо набелено. Движения точные, смелые, в каждом жесте сквозит чувственность.

Поднимается Юба, семенит к сцене, с поклоном подает госпоже маленький барабан и возвращается обратно.

Начинается выступление. О-Бара сначала танцует под быструю музыку, отбивая такт ударами по барабану. Все время гейша не сводит глаз с гостя, всячески показывая, что выступает только для него.

Сказитель (во время танца).

«О-Бара», то есть «роза», не зря ее зовут.
 Мужское сердце мигом пронзят ее шипы.
 Нет у О-Бары равных, когда огонь страстей
 Разжечь она захочет и щедрость пробудить.
 Не тайна для О-Бары, зачем приехал гость
 (Об этом в чайном доме давно уж слух прошел).
 Очаровать Куботу задумала она,
 Чтоб тот помог ей князя наложницею стать.

Танец окончен. Ученица забирает барабан, гейша садится к сямисену и поет красивым, низким, чуть хрипловатым голосом, глядя на самурая.

О - Бара (поет).

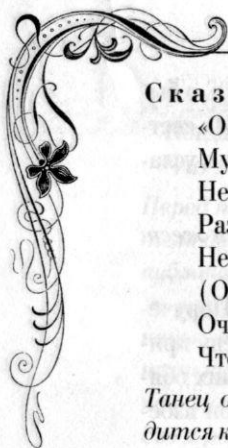
Как оплетается вьюнок
 Вкруг криптомерии могучей,
 Хотела б я, мой господин,
 Вкруг тела вашего обвиться.
 Свои листочки-лепестки,
 Свой аромат, свои цветочки
 Я посвятила б только вам,
 Мой повелитель драгоценный!

Кубота слушает, покачивая головой в такт. Окасан искоса поглядывает на него: доволен ли.

Во время выступления О-Бары на ханамити происходит следующее.

Киндзо, пользуясь тем, что зрители поглощены представлением, приступает к своему воровскому делу. Сначала он ловко обшаривает соседа-ронина: ищет за поясом, в широком рукаве, приподнимает сзади полу кимоно. Но ничего ценного не находит и брезгливо качает головой. Двигаясь на корточках, переползает немного вперед. Начинает обрабатывать купца. Тут ему везет гораздо больше. Он вынимает из рукава кошелек, из-за пояса шелковый кисет и позолоченную трубку, в подкладке кимоно находит потайной карман, откуда выуживает несколько золотых монет.

Выступление гейши заканчивается. Она низко кланяется одному Куботе и с глубоким вздохом, который

сопровождается жестом «Чувственное волнение», удаляется на противоположную сторону сцены, где садится.

Кубота (хозяйке). Прелестница какая! Глядел бы и глядел. На что уж я немолод, и то вскипела кровь. А князю и подавно понравится она. С княгиней, право слово, неловко и сравнить. Жену ведь господину родитель подбирал. Не о красе он думал — о пользе для казны...

Окасан. Позвольте ль теперь мне Идзуми пригласить? Она иного стиля, но тоже хороша.

Кубота кивает, хозяйка хлопает в ладоши.

Появляется Идзуми. Она в неброском, но элегантном кимоно бело-голубого цвета с серебряным шитьем. Двигается плавно, почти невесомо. Взгляд опущен. Кланяется сначала гостю, потом хозяйке, потом публике. Ее ученица Сэн-тян порывисто поднимается, бежит к сцене и подает веер, после чего не торопится вернуться на место.

Идзуми начинает медленный, изысканный танец.

Кубота (взволнованно). О, сколько благородства! Рисунки танца чисты! Она точь-в-точь, как ива над тихой рекой!

Сэн-тян (звонко). Вы слышали, сестрица? Он танец оценил! Он ивою назвал вас над тихой рекой!

Окасан. Негодница какая! Несносное дитя! Она у нас недавно. Простите, господин!

Кубота так увлечен гейшей, что не слышал ни крика, ни извинений. Сэн-тян бегом возвращается назад, взяв у Идзуми веер. Та садится к сямисену, играет и поет.

Идзуми.

Все истинно красивое неявно,
Не слепит, не бросается в глаза.
У красоты такой негромкий голос,
Не всякий его может услышать.
Прекрасное пленяет совершенством.

Непостижимой тайною полно,
Оно откроет лишь свою частицу —
Но этого довольно знатоку...

Сэн-тян (*обернувшись к залу*). Слыхали все? Слышали? О, как она поет! На свете нету краше моей Идзуми-сан!

Юба толкает ее локтем в бок, девочка умолкает. Во время выступления Идзуми вор продолжает работать. Обчистив купца, он перебирается к «монаху». Здесь его ждет сюрприз. Ничего не обнаружив в рукаве, Кицдзо приподнимает край рясы — там блестит клинок обнаженного меча. Вор в страхе отползает. Пристраивается позади Юбы. Хочет сунуть руку ей за пояс, но, не удержавшись, любовно поглаживает обтянутое тканью крутое бедро.

Не оборачиваясь, Юба хлопает неведомого наглеца по руке. Кицдзо затихает.

Идзуми заканчивает петь. Снова кланяется на три стороны и, потупив взор, удаляется, чтобы сесть рядом с О-Барой.

Кубота (*громко*). Моя была бы воля, я б поиск прекратил! Наложница такая как раз нам и нужна! Скромна, манер прекрасных, собою хороша! И чести господина не нанесет урон. А главное — в ней виден тот истинный югэн, без коего вульгарна любая красота.

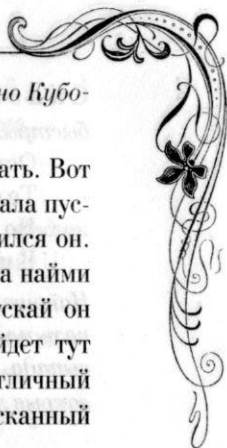
Наклоняется к Окасан и что-то горячо ей говорит.

Сказитель.

И долго превозносит Идзуми самурай.
Ценитель он югэна, «сокрытой красоты».
Все семь ее отличий Идзуми назвала
В своей негромкой песне, пленившей старика.
А в заключенье речи Кубота от души
Былой своей подружке полезный дал совет.

Кубота. Хоть князь в искусстве сведущ, но молод он еще. Неплохо б представленья расцветить, оживить. Пуцу я дом «Янаги» последним выступатъ...

Окасан делает жест «Незаслуженная обида», но Кубота ей хитро улыбается.

От гейш, от песен, танцев, успеет князь устать. Вот тут ты и предъявишь товар ему лицом. Сначала пустишь розу (*кивает на О-Бару*), чтоб пробудился он. Потом ты сделай вот что: жонглера иль шута найми повыкрутастей. Князь любит ловкачей. Пускай он похочет над зрелищем простым. Но выйдет тут Идзуми, и обомлеет он. Вульгарная забава отличный даст контраст, чтоб оценить югена изысканный узор.

Сказитель.

Уходит гость высокий. Окасан вслед ему
Поклоны посылает, растрогавшись до слез.
Его расположенье, приязненный совет
Сулят хозяйке дома невиданный барыш.

Окасан, беспрестанно кланяясь, провожает самурая. Все присутствующие склоняют лбы к земле, лишь Сога, как подобает человеку благородного звания, кланяется не столь низко.

Именно поэтому он первым видит, как «монах», едва лишь господин Кубота с хозяйкой скрылись за кулисой, резко разгибается, вскакивает и, выхватив спрятанное оружие, бросается вперед.

Всё происходит в одно мгновение.

Сэн-тян с визгом хватается убийцу за рясу. Тот спотыкается, высвобождается, но за эту секунду Сога тоже успевает подняться и обнажить меч.

Убийца с яростным криком бежит к Идзуми, занося клинок. Та в ужасе застывает, прикрыв лицо руками. О-Бара проворно откатывается в сторону.

Зрители кричат, мечутся.

Но ронин двигается еще быстрее, чем «монах», и, вскочив на ханамити, заслоняет собою Идзуми.

Происходит поединок на мечах. Убийца издает гортанные крики, Сога безмолвен.

Сказитель (очень часто бьет в барабан, говорит быстрым речитативом).

Остер клинок злодея, движения быстры!
То спереди, то сбоку наскакивает он!
Но Согу не напрасно прозвали «Первый Меч».
В искусстве фехтованья он первый среди всех.

Наконец, после точно рассчитанного удара Соги, «монах» падает мертвым. Ронин застывает в положении выпада. Замирают без движения и все остальные: кто закрыв лицо, кто с воздетыми руками.

Свет меркнет. Занавес закрывается.
Сцена поворачивается.

Картина вторая

Передняя часть сцены изображает сад чайного дома «Янаги». Это основная, несменяемая декорация. Там декоративный мостик, молодая яблоня, большой каменный фонарь. Чуть в глубине — узкая приподнятая веранда-энгава, обрамляющая павильон. На энгаве по краям два масляных фонаря, которые, в зависимости от времени суток, то горят, то нет. Сёдзи (бумажные стены павильона) тоже могут быть то раздвинуты, то задвинуты. Сейчас они закрыты. Внутри горит свет, виден силуэт Идзуми, которая сидит и медленно перебирает струны сямисена. Звучит печальная прерывистая мелодия.

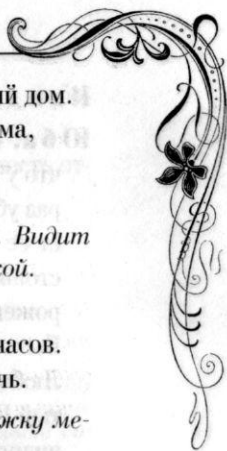
Ночь. В саду темно.

Сказитель бьет в барабан — по энгаве, бесшумно ступая, проходит и исчезает Сога, его рука лежит на рукоятке меча.

Сказитель.

Когда у врат «Янаги» возник переполох,
Удобный этот случай вор наш не прозевал.
Украденные вещи напарнику отдал

И в суматохе шумной пробрался в чайный дом.

До ночи затаился, но лишь сгустилась тьма,

На поиски добычи отправился, ловкач...

Бьет в барабан.

Появляется Киндзо. Озирается по сторонам. Видит силуэт гейши. Застывает, очарованный музыкой.

Сказитель.

С дневного покушенья прошло лишь шесть часов.

Не спит Идзуми, трепет не может превозмочь.

В сад, пятясь, входит Юба. Она метет дорожку метелкой, согнутая в три погибели.

Натыкается задом на Киндзо. Оба, испуганно вскрикнув, поворачиваются друг к другу.

Юба. Вы кто такой? И как вы попасть сюда смогли?

Киндзо (*не растерявшись*). Ах, редкая удача! О, как мне повезло!

Юба (*подозрительно*). Чему это вы, сударь, обрадовались так? Сейчас я, право слово, охрану позову!

Киндзо (*беря ее за рукав*). Не надо звать охрану. Пробрался я сюда с одним лишь устремлением — вас снова повстречать! Сегодня я вас видел у сцены, близ ворот, и от любви безумной рассудком изнемог. Украдкой в сад пробрался, брожу здесь, сам не свой. Не думал и не чаял вас встретить в час ночной!

Юба (*смягчась, но все еще настороженно*). Хозяйка моя нынче не в духе, всё кричит. Послала среди ночи дорожки подметать...

Киндзо (*забалтывая ее*). Вы давеча видели ту схватку на мечях? Какое представленье! Я прямо обомлел! Подумал поначалу, что это всё всерьез. Как кровь фонтаном брызнет! Ей-ей, шикарный трюк! Жаль только, гость вельможный ушел и не видел, как ловко разыграли актеры смертный бой.

Юба. Какие там актеры? Я до сих пор дрожу. Опять враги пытались Идзуми умертвить!

Киндзо. Опять враги пытались? О чем вы, не пойму...

Юба. Вы, верно, не из местных. Весь город говорит, что у Идзуми нашей завелся тайный враг. Уж третий раз убийцу к ней подсылает он. Но всякий раз спасает ее наш Сога-сан. Он самурай бездомный, всё достоянье — меч, но предан ей безмерно, как пес сторожевой.

Быть гейшей знаменитой — судьба не из простых. Любовь мужчин опасной бывает иногда. Отвергнутый Идзуми какой-то ухажер решил ей за обиду, как видно, отомстить.

Киндзо. Вы, гейши, так жестоки! Красотка вроде вас пронзит стрелой сердце, а вам и дела нет. Нельзя пред нашим братом плясать и песни петь, а после недотрогу собой изображать.

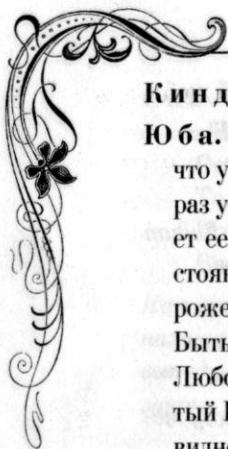
Юба. Ну, я еще не гейша, лишь ею быть учусь, хоть госпожа считает, что проку во мне нет.

Вот госпожа О-Бара в мужчинах знает толк. Ее-то недотрогой никак не назовешь. Про госпожу Идзуми она мне говорит, что та сама, нарочно, подстраивает всё. Что будто бы желает она таким путем достичь скандальной славы, быть на устах у всех. Что верный ее ронин, свирепый Сога-сан нарочно нанимает каких-нибудь бродяг, а после сам их режет, несчастных дураков. Ведь он отлично знает их каждого в лицо. Ему с его умением не стоит ничего наемника-болвана в капусту изрубить. И тут двойная прибыль, считает госпожа: растет и слава гейши, и слава храбреца.

Киндзо. Ой, что-то не похож был «монах» на простака. Рубился он на славу, тут мастера видать.

Юба. Не наше это дело. Скажите лучше мне, вы сами-то откуда и как вас величать?

Киндзо. Зовите меня Киндзо. Фамилию мою я вам открыть не смею, пока не буду знать, что в вас обрел

взаимность, что вы на страсть мою ответили любовью и стали мы одно.

Торгового я дома наследник молодой. Мне честь отцовской фирмы невместно уронить.

Сказитель.

Услышав про такое, красotka тот же час

Подумала: пожалуй, я «стану с ним одно».

Собою он пригожий и в обхожденьи смел.

А коль к тому ж богатый, чего же мне еще?

Киндзо начинает обнимать Юбу. Она не слишком сопротивляется. Они жарко обхватывают друг друга.

Воришка есть воришка. И в этот пылкий миг

Поглядывает Киндзо, чего бы утянуть.

Киндзо шарит за поясом у Юбы, заглядывая ей через плечо. Прячет в рукав черепаховый гребень, зеркальце, потом осторожно вынимает из прически красивую заколку.

Но не проста и Юба. Ей хочется скорей

Проверить, в самом деле богат ли ухажер.

Юба одновременно щупает за поясом у своего воздыхателя. Обнаруживает тощий кошелек. Шарит в нем.

Но что за незадача! Кошелек почти что пуст!

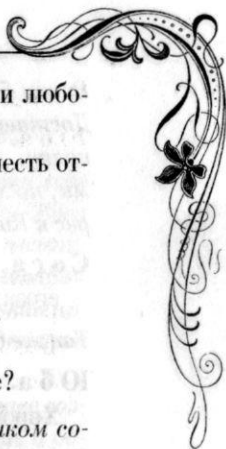
Утратили объятья всю сладость для нее.

Девушка сердито топает ногой, пытается высвободиться.

Вдруг на краю эгавы появляется Сога. Он бесшумно спрыгивает, подбегает к Киндзо и хватает его за шиворот.

С о г а. Кто это здесь с тобою, девчонка, отвечай! Ты смеешь к нам в «Янаги» любовников водить?

Ю б а (*смущенно*). Ах, что вы, ваша милость! То братец мой родной. Приехал вот проведать. Не виделись давно...

Ронин бесцеремонно обыскивает испуганного Киндзо. Достает из рукава украденные вещи: зеркальце, заколку, гребень. Юба возмущенно всплескивает руками, но молчит. Не найдя оружия, Сога теряет интерес к Киндзо.

Сога. Ну брат так брат. Плевать мне. Смотри лишь, егоза: ведите себя тихо! Покой не нарушать!

Так же бесшумно исчезает.

Юба. Мерзавец! Прощельга! Ты вор, ты негодяй! Хорош кунец, однако! Богатства — два гроша!

Бьет его кулаками в грудь. Киндзо хохочет.

Киндзо. Гляди-ка! Вот чертовка! Залезла в кошелек! А я и не заметил! Какая ловкость рук!

Юба. Я, может, и чертовка, да только не краду! Твоих вещей не брала, а ты мой украл!

Киндзо. Нашла ты чем гордиться! Да если хочешь знать, на свете нет соперниц у доли воровской. Свободен я, как ветер. Никто мне не указ. Весь мир — моя добыча. Я царь среди людей!

Лишь вот что мне в досаду: живу один, как перст.

Я царь, да без царицы мне царствовать тоска. Иди ко мне в подруги! Уйдем с тобой вдвоем!

Сейчас я без лукавства с тобою говорю. Проворна ты, смышлена, мордашка хоть куда. С тобою мы на пару наделали бы дел...

Он склоняется к ней, шепчет на ухо. Она сначала отворачивается, потом начинает прислушиваться. Его руки снова ее обнимают.

Сказитель.

Сладкоречивый Киндзо зовет ее с собой.

Прельщает вольной жизнью и сладостью любви.

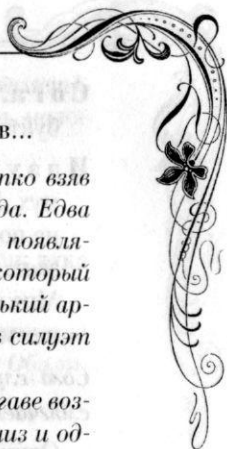
Но чтобы в путь с добычей идти — не налегке,

Должна ему девица как следует помочь.

В богатом этом доме есть поживиться чем.

Разнохает пусть Юба, где ценности лежат.

На эти уговоры склоняется она.

Манят ее скитанья и кармы властный зов...

Любовники сливаются в поцелуе. Потом, крепко взяв Юбу за руку, Киндзо уволакивает ее в гущу сада. Едва они исчезли со сцены, из-за каменного фонаря появляется черная фигура. Это Второй Убийца, который там прятался. Он достает из-за спины маленький арбалет, кладет стрелу на тетиву и целится в силуэт играющей на сямисене Идзуми.

Но точно так же внезапно, как накануне, на эгаве возникает Сога. Он стремительно спрыгивает вниз и одним ударом закалывает Второго Убийцу. Тот с криком падает.

Звуки музыки обрываются. Видно, как Идзуми встает. Сога прячет меч в ножны и затаскивает труп под веранду.

Сказитель.

Телохранитель верный опять удар отвел.

Не дремлет храбрый Сога, надежен Первый Меч.

Взволнован он, встревожен. Вот новая напасть!

Спешит убрать он тело скорее с глаз долой.

Спокойствие Идзуми он хочет охранить.

Не надо знать бедняжке, что смерть витала здесь.

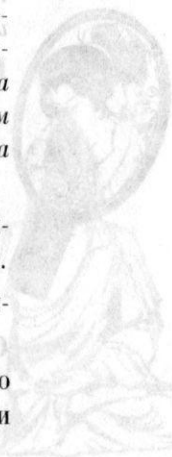

Идзуми открывает перегородку, видит Согу, успокаивается и раздвигает сёдзи широко. Видно внутренность ее комнаты. Она устлана циновками, украшена цветами. Посередине два низких столика. На одном сямисен, на другом большая лакированная шкатулка с выдвигаемыми ящичками.

И д з у м и. Ах, это вы, мой славный, мой драгоценный страж. Мне показалось, будто я услышала крик.

С о г а. Ночная птица это. Спокойно все вокруг. Ложитесь, отдохните. Я буду начеку.

И д з у м и (*содрогаясь*). Мне не до сна сегодня! Кто этот лютый враг, что хочет непременно Идзуми умертвить?

Сога. Я спрашивал уже вас, допытывался я: попробуйте припомнить отвергнутых мужчин.

Идзуми. Да разве всех упомнишь? Они, как стая мух. Жужжат и докучают: «Моею стань, моей!» Они не понимают, что истинный югэн манит, но ускользает, схватить его нельзя.

Мне не нужны объятия и клятвы не нужны. На свете нет мужчины, кого я люблю.

Сога слушает, низко опустив голову. Голос Идзуми смягчается.

Один лишь вы, друг милый, понять меня смогли. А ведь вначале тоже молили о любви. Но вы великодушны, довольны вам того, что я в вас благородство и преданность ценю.

Жестом приглашает ронина подняться в дом. Входя, он отодвигает сёдзи еще шире и оставляет их открытыми. Они садятся: Идзуми перед шкатулкой, в профиль к залу; Сога напротив.

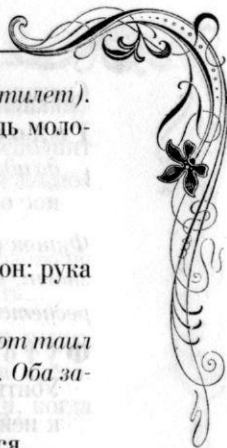
Сога. Я вел себя нелепо. Как если бы желал цветом не любоваться, а скомкать и сорвать. Смотрю на вас — и счастлив. Вы рядом — жизнь полна. Такому совершенству весь век бы я служил.

Идзуми поднимает крышку ларца — в ней зеркало. Гейша грустно смотрит на свое набеленное лицо.

Идзуми. «Весь век» у гейши краток. Увянет красота и нету совершенства, один сухой листок... Когда по этой коже проляжет сеть морщин, я долго ждать не стану — себе я поклялась. К чему и жизнь, когда в ней померкла Красота? На то в моей шкатулке лежит вот эта вещь. *(Достает острый стилет и смотрит на него.)* Удар, немного боли, и срезан мой цветок. Не дам ему увянуть, югэна не предам!

Сога. Ну что за разговоры! Вам двадцать лет всего! Поверьте, есть на свете иная красота. Она взамен приходит телесной красоте, когда свой путь по жизни красиво ты пройдешь...

И дзуми (легкомысленным тоном, пряча стилет).

Вы правы, это будет еще не скоро так. Ведь молодость продлится лет пять иль даже семь...

Сказитель бьет в барабан.

Гейша меняется в лице, голос дрожит.

Ах, как могла забыть я? Совсем из мыслей вон: рука чужая хочет обрезать мой цветок...

С испугом оборачивается к саду, как если бы тот таил в себе угрозу. Сога тоже, положив руку на меч. Оба застывают.

Свет медленно гаснет, занавес закрывается.

Поворот сцены.

Картина третья

Заброшенный храм. Ночь. В глубине смутно темнеет большое изваяние Будды.

Сказитель бьет в барабан. Нервно озираясь, входит Футоя. У него в руке небольшой, но тяжелый мешок, в котором что-то позвякивает.

Ждет, оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха. Время от времени гремит гром, вспыхивают зарницы.

Сказитель.

Ненастной темной ночью купец Футоя-сан
К покинутому храму пришел тайком от всех.

Зачем торговец важный, богач из богачей,

В лихое это место явился вдруг один?

Ах, черное то дело! Назначил встречу здесь

Тот человек, кого все «Невидимым» зовут.

Про ниндзя иль синоби, зловещий клан убийц,

Слыхали все, но мало кто видел их живьем.

Берут они заказы на темные дела.

И нет на свете силы коварней и страшней.

«Дзёнином» называют их жуткого вождя,

Кого о тайной встрече Футоя попросил...

Сказитель бьет в барабан, вспыхивает молния.

Голос Невидимого (*гулкий, непонятно откуда идущий*). Я здесь. Приступим к делу. Знать, важное оно, уж если ты с синоби связаться пожелал.

Футоя от неожиданности чуть не подпрыгивает. Не знает, в какую сторону смотреть. В конце концов адресуется к статуе.

Футоя. Да-да, нужда большая меня к вам привела. Убить одну особу никак я не могу. Уже четыре раза к ней подсылал убийц. Бродячих самураев, разбойников лихих... Но крепко охраняют особу ту, увы. Без помощи синоби мне тут не обойтись.

Невидимый. Как звать? Когда? И сколько? Вот что мне нужно знать.

Футоя. Как звать? Идзуми, гейша. Когда? Тут сложность есть. Заказец хорошо бы исполнить не тотчас, а в миг, когда подам я условленный сигнал. У них в саду «Янаги» там яблонька растет. На ней сломаю ветку — ну, стало быть, пора...

Невидимый. Ага, заказ с отсрочкой, готовность — миг любой. То первого разряда по сложности контракт.

Футоя (*поспешно*). Мне все расценки ваши посредник сообщил. И я доставил сумму — тут ровно тыща рё.

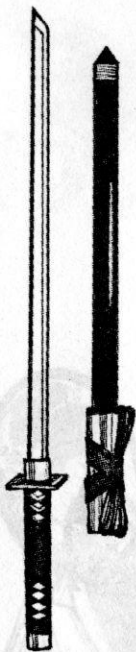
Показывает мешок, не знает, как его передать.

Невидимый. Сказал тебе посредник, что, сделавши заказ, его ты никогда уж не сможешь отозвать? Таков закон наш древний: коль кто приговорен, во что бы то ни стало он должен умереть.

Футоя (*кланяясь*). Зачем же отзываться мне, раз деньги заплатил?

Невидимый. Клади мешок к подножью. Контракт наш заключен.

Сказитель бьет в барабан.

Футоя кладет мешок к подножью статуи и пятится.

Невидимый. Мой воин самый лучший исполнит твой заказ. «Неслышимый» — вот имя, мной данное ему.

Футоя (*робко*). Мне сказывали, будто положено у вас взамен расписки штучку такую выдавать...

Невидимый. Да, мой дракон из яшмы. Есть у меня кинжал с драконом на эфесе — знак ранга моего. Вернуть ты мне обязан священный талисман, когда исполнен будет с тобою наш контракт.

Футоя. А как же я узнаю, кому отдать его?

Невидимый. Посланец мой предъявит кинжал с клинком «змея».

Удар барабана. Луч прожектора освещает изваяние Будды. Видно, что из-за статуи высовывается рука, держащая длинный кинжал с извилистым, как змея, клинком. Вторая рука отвинчивает с рукоятки навершие и бросает купцу. Тот подхватывает яшмового дракона, почти-тельно прижимает ко лбу, кланяется. Луч гаснет.

Невидимый. Но знай, купец Футоя, в ответе ты за знак. И если пропадет он, заплатишь жизнью ты.

Купец застывает в позе ужаса. Удар барабана одновременно со вспышкой молнии. Тьма.

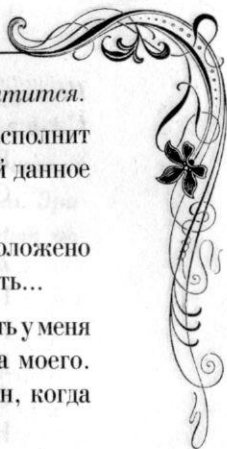
Занавес закрывается.

Поворот сцены.

Картина четвертая

Сад перед павильоном Идзуми. Сёдзи закрыты. На эгаве сидит Окасан, с ней рядом приемные дочери. По бокам — ученицы Юба и Сэн-тян с большими веерами в руках. Ярко светит солнце. Жарко.

Из-за угла выглядывает Сога, как всегда, настороже.

Сказитель.

Последовав совету Куботы-мудреца,
Окасан клич пустила по городу всему:
«Почтенный дом «Янаги» желает пригласить
Жонглеров, акробатов, фигляров и шутов».
По ярмаркам, по циркам слух этот вмиг прошел.
Назавтра ж притащился весь балаганный люд.
Взыскательной хозяйке непросто угодить.
О чести заведенья заботится она.
Никто не подошел ей, но вот к исходу дня
В «Янаги» появился престранный человек...

Сказитель бьет в барабан. Все начинают двигаться: дамы, ученицы с веерами, то появляющийся, то исчезающий Сога.

На сцену выходит Неслышимый. Он одет не в кимоно, а в обтягивающее трико, размалеванное шутовскими разноцветными полосами. Лицо закрыто сплошной шелковой маской, где нарисована дурашливая физиономия со ртом до ушей. У него при себе сумка с реквизитом. Неслышимый подходит выхляющей клоунской походкой к Окасан. Сэн-тян хихикает, прикрыв рот ладошкой.

Жестом фокусника, будто прямо из воздуха, Неслышимый достает свернутую трубочкой бумагу и протягивает хозяйке.

Сказитель.

С поклоном протянул он листок бумаги ей.
Берет она, читает написанное там:
«Немой я от рожденья. Зовусь Нитонисё.
Лицом обезображен, всегда в личине я.
А что умею делать, сейчас вам покажу».

Окасан пожимает плечами, показывает письмо одной приемной дочери, потом другой. Жестом велит начинать представление.

Луч прожектора поднимается и освещает канат, протянутый над сценой. Неслышимый достает из

сумки и ловко закидывает на канат веревку с крюком, в два счета карабкается вверх. Идет по канату, кривляясь и делая вид, будто вот-вот упадет. Начинает жонглировать вынутыми из кармана ножиками. Зрители с восхищением смотрят. Сэн-тян забывает махать веером, визжит от восторга.

Сказитель.

Нетрудно догадаться, что это он и есть —
 Кого главарь синоби «Неслышимым» назвал.
 Лицо его под маской сокрыто неспроста:
 Чужим не может ниндзя свой облик показать.
 Предстать без маскировки возможно для него
 В знак высшего доверья — и то среди своих.
 А нем он не с рожденья. Историю о том,
 Как речи он лишился, тут стоит рассказать.
 Однажды получил он приказ убить главу
 Другого клана ниндзя — опаснейший приказ.
 Схватить живьем убийцу охранники могли,
 Подвергнуть его пытке и развязать язык.
 Не чая жив остаться, перед заданьем он
 Язык себе отрезал, не дрогнула рука.
 С тех пор его прозвали «Неслышимым» друзья.
 Среди них примером чести и мастером он слыл...

Акробат спрыгивает вниз и подает хозяйке еще один листок.

Окасан (*читает вслух*). «Теперь вам птицу Хоо позвольте показать. Горят, да не сгорают у феникса крыла. Я знаю жест волшебный. При помощи его огня стихию злую возможно подчинить».

Неслышимый показывает эффектный фокус. Достает из сумки и прикрепляет к рукавам потешные птичьи крылья. Потом берет с энгавы незажженную масляную лампу, льет на «крылья». Делает «волшебный жест»: коленно приседает и расставляет руки. Затем чиркает

пальцем о колено — палец загорается огнем. Проводит горящим пальцем по одному «крылу», по другому — и те вспыхивают. Фокусник кружится на месте, машет горящими «крыльями». Все ахают, ужасаются, Сэн-тян подпрыгивает и визжит.

В это время Сказитель объясняет, как устроен фокус.

Сказитель.

Трюк этот, хоть эффектен, но в исполнении прост.

Облив горячим маслом тряпичные крыла,

Обжечься не рискует сам фокусник ничуть.

Особенным раствором пропитана та ткань.

Огонь не тронет кожи, ее не опалит,

Жест якобы волшебный тут вовсе ни при чем.

Сэн-тян повторяет «волшебный жест».

Окасан (довольным голосом). Вот это нам годится!

Ты взят, Нитонисё. До представления будешь в «Янаги» проживать. Прошу вас, отведите актера, Сога-сан, во флигель для прислуги, пусть разместится там.

Сога подходит к фокуснику, подозрительно оглядывает его. Выдергивает из-за пояса ножи, которыми Неслышимый жонглировал, смотрит на них, забирает себе.

Сога. У нас ходить с оружием тут не заведено. Тем более ты ловок с ножами чересчур. Не по сердцу мне, парень, глумливый твой оскал. Глаз не спущу с тебя я. Что встал? Шагай за мной.

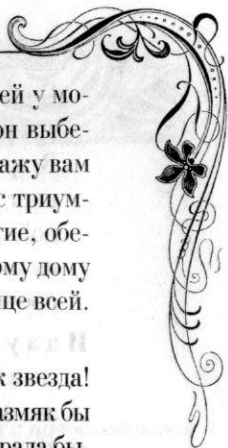
Ронин уводит Неслышимого со сцены.

Окасан подает знак ученицам — они раздвигают сёдзи.

Хозяйка и ее приемные дочери входят в комнату Идзуми и садятся. Окасан жестом отсылает учениц. Те удаляются с поклоном, после чего Сэн-тян убегает вприпрыжку.

Окасан. Ну вот, теперь спокойна за представление я. Урод этот вихлястый отлично оттенит твой страстный зов, О-Бара, и твой, Идзуми, стиль. Кубота — наш союзник. Он думает, что ты, Идзуми, его князю придется по душе. Но вкус у князя, может, иной,

чем у слуги. Зов плоти, как известно, сильнее у молодых. И я не исключаяю, что именно тебя он выберет, О-Бара. Уж мне ль не знать мужчин! Скажу вам откровенно, мне это все равно, кого из вас с триумфом в наложницы возьмут. Вас, дочки дорогие, обеих я люблю! Лишь только б не достался чужому дому приз... А впрочем, нет соперниц у вас в столице всей. Одной из вас, я знаю, победа суждена.

О-Бара. Я в княжестве богатом сияла б, как звезда! Нет, не звезда, а солнце! И князь в его лучах размяк бы мягче воска. Всю Сацуму шутя к рукам я прибрала бы. Великая мечта! О, если б это счастье добыла мне судьба! Я вечно благодарной вам, матушка, была б!

Окасан. Что скажешь ты, Идзуми?

Идзуми. Покорна карме я. Моя бы воля — право, жила б я вечно здесь. Но гейше не пристало решать свою судьбу. Коль скоро вы решили, что прибыльней меня отдать в мужские руки — ну, так тому и быть.

Окасан. Никак обиду слышу я в голосе твоём? Подумать можно, будто тебя я продаю уродливому старцу или грязному кушцу! Князь Сацумы и молод, и, говорят, пригож. Быть может, ты познаешь с ним радости любви. И будешь благодарна Окасан и судьбе.

Идзуми. Слыхала много раз я о радостях любви. И песни о них пела пред публикою я. Но что это такое, я не желаю знать. Скучны мне все мужчины, не верю я в любовь.

Окасан. Напрасно ты не веришь. Любовь на свете есть. Точнее выражаясь, всего любовью три.

Одна любовь — земная. Подвластны ей все те, кто духом припадает к поверхности земной. Таких людей не меньше, чем девять из десяти. Грешна, грязна, но сладка подобная любовь.

Еще бывают люди, кого прельщает ад. Отравленную страсть их я «адской» назову. То огненное зелье!

Сгорает в нем душа без всякого остатка, уходит в черный дым.

Встречается, хоть редко, еще одна любовь. Она пленяет души, что ввысь устремлены, поэтому «небесной» зовут ее в стихах. Но век ее недолог, как бабочки полет. Или полет кометы, что раз в две сотни лет прочертит через небо свой осиянный след...

И д з у м и. Комета одинока, никто не нужен ей. Ах, если б мне кометой по жизни пролететь! Пускай полет недолог, но сколько красоты!

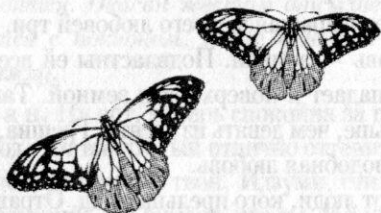
О-Б а р а. Любовь? Комета? Право, и слушать-то смешно. По мне хоть взвейся в небо, хоть отправляйся в ад, но выдави из жизни всё, что она дает. К нам в руки сам свалился чудесный сочный плод. Сок выдавить до капли мы из него должны!

О к а с а н (с печальным вздохом). Отказываетесь, дочки, вы обе от любви. Но тут не нам, а карме положено решать. Небесная, земная иль адская любовь: начертана дорога, свернуть с нее нельзя.

Все три женщины застывают в разных позах. Окасан по-буддистски складывает ладони и закрывает глаза; О-Бара подносит руку поправить прическу; Идзуми сидит, изящно склонив голову.

Свет гаснет, занавес закрывается.

Поворот сцены.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Комната О-Бары, ярко и богато разукрашенная с преобладанием золотого и алого. Когда сцена раздвигается, видно две застывшие фигуры. Это О-Бара и мужчина в соломенном плаще и низко надвинутой на глаза шляпе. Они сидят напротив друг друга, склонившись — будто шепчутся. Комната тускло освещена.

Сказитель.

Когда же ночь спустилась, проник к О-Баре гость.

(Бывало, что мужчины наведывались к ней.)

И этот, что под шляпой таит свое лицо,

Захаживал, пожалуй, почаще всех других.

Не для любовных игрниц сегодня он пришел.

Сидят они и тихо речь тайную ведут...

Бьет в барабан. Свет в комнате делает ярче, фигуры задвигались.

О - Бара (*нетерпеливо*). Снимите эту шляпу! Смотрите мне в глаза! И говорите четче, я плохо слышу вас! Исполнили вы дело, как давеча клялись? На вас я положилась. Надеюсь, что не зря.

Мужчина снимает шляпу и плащ. Это Футоя.

Футоя (*оглянувшись, негромким голосом*). Кричать об этом деле мне, знаешь, не с руки. Устроил всё как надо. Так, как хотела ты. Теперь тебе довольно подать условный знак. Решишь: пора — так ветку у яблони сломай... Я грязную работу исполнил всю один. Ух, жути натерпелся, не приведи Господь. Могли ведь и прикончить, у них характер крут. Связался с этим сбродом лишь из любви к тебе.

О - Бара. И этот о любви мне тут вздумал говорить! Вас, господин Футоя, считала я умней. Мы с вами любим деньги, мы любим силу, власть. А глупости и вздохи оставим для других. И если вы рискнули столь многим в этот раз, на то у вас причины имеются свои. Вы знаете, что, если я князя приручу, вся с Сацумой торговля, считай, у вас в руках. Пролитой крови брызги — не мне вам объяснять — любого клея крепче нас склеют навсегда.

Футоя (*со вздохом*). Всё верно, мы душою с тобой, как близнецы. И тысячу монет я не на ветер пустил. Рассчитываю после с лихвою их вернуть. И все же горько думать, что разлучимся мы. Вот станешь ты у князя наложницей, Бог даст. В ручную обезьянку ты превратишь его. (Ох, это ты умеешь, тебе здесь равных нет.) Но мне в твоих объятьях тогда уж не бывать...

О - Бара. Ты умный, сильный, зрелый. Такой же, как и я. Мы оба знаем цену объятиям с тобой.

Футоя. А ну скажи, О-Бара, какая им цена?

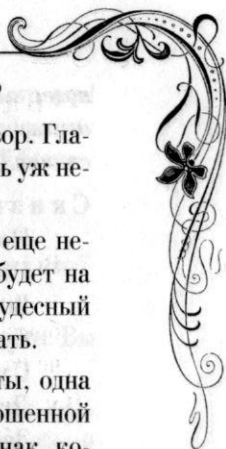
О - Бара. Довольно, что мы знаем: цена объятиям есть. Легко их покупают, легко их продают. Кто этого не понял, Идзуми тот глупей.

Футоя. Скажи еще мне вот что. Идзуми я обрек на смерть наживы ради, к ней нет во мне вражды. Но ты, лишь об Идзуми заходит разговор, от ненависти будто чернеешь вся лицом.

О - Бара (*яростно*). Мне ненавистен этот ее надменный вид! Югэн ее паршивый мне в горле словно кость! Кому нужна, скажите, такая красота, которую пощупать и разглядеть нельзя? Находятся, однако, на свете дураки, кто томную Идзуми предпочитает мне! Нет, я не понимаю! Я не могу понять! А то, что непонятно...

Футоя (*подхватывает*). ...Должна ты истребить. Ах, бедная Идзуми. И князь тут лишь предлог. Не этот, так другой ты сыскала бы резон.

О - Бара. Идете на попятный? Жалеете ее?

Футоя. Жалею, не жалею, пустой то разговор. Гласят законы ниндзя, что отменить заказ теперь уж невозможно. Считай, она мертва.

О - Бара (с мечтательной улыбкой). Тогда еще немного я с веткой потяну. Теперь приятно будет на дуру мне смотреть. Вдохнув волос Идзуми чудесный аромат, смерденье мертвечины я буду ощущать.

Футоя. Уж коль о мертвечине заговорила ты, одна мне закавыка покою не дает. В заклад свершенной сделки их дэёнин мне вручил свой тайный знак, который я должен сохранить. А если пропадет он, считай, что я мертвец. Вот он, дракон из яшмы, всю пазуху прожег... (Достает фигурку.) Скажу, чего боюсь я. Коварны и хитры проклятые синоби. Вдруг вздумается им знак этот взять и выкрасть?

О - Бара. Зачем? Я не пойму.

Футоя. Я за сохранность знака поклялся отвечать. Придут они и скажут: «Где яшмовый дракон? Иль жизнью заплати нам, иль состояньем всем». Куда от них я денусь? Разденут догола. Вполне в привычках ниндзя такой коварный трюк. А ты им неизвестна, в секрете наша связь. Возьми-ка ты дракона, получше его спрячь.

Футоя протягивает гейше яшмового дракона, О-Бара принимает знак свершенной сделки. Оба застывают в этой позе.

Свет гаснет.
Поворот сцены.

Картина вторая

Сад перед павильоном Идзуми. День. Фонари на эгаве не горят. На авансцене стоит Неслышимый в странной

позе: выставил вперед руки, в них зажато несколько деревянных ножей. На краю эгавы так же неподвижно стоит Сога. Рядом с ним сидит Сэн-тян.

Сказитель.

По видимости внешней в «Янаги» тишь да гладь.
Но близок день великий, когда решится всё.
Волнуется хозяйка, волнуется весь дом,
Судьба как будто мира поставлена на кон.
С усмешкой наблюдает за этой суетой
Лик кармы вездесущей. Известен ей финал
Заранее спектакля с названием «Судьба».
Начертанного свыше не избежит никто...

Ударяет в барабан.

Неслышимый начинает двигаться — жонглирует деревянными ножами. Сэн-тян хлопает в ладоши.

Сога спускается с веранды и решительно приближается к жонглеру. Тот показывает ему, что ножи деревянные, но рошня интересуют не ножи.

Сога. Послушай-ка, приятель, не нравишься ты мне.

Дурить ты можешь женщин, но только не меня. Сними свою личину. Хочу я посмотреть, что у тебя за рожа, подвоха нет ли тут.

Жонглер показывает шутовскими жестами: «Нельзя! Я уродлив!»

Пустое! Повидал я немало страшных рож. Безносых и безглазых, изрубленных мечом...

Хочет взять Неслышимого за плечо, но тот ловко уклоняется. Это повторяется несколько раз. Сога начинает сердиться.

Эй, братец, я с тобою шутить не стану тут! Иль хочешь ты отведать хороших тумачков?

Из павильона на эгаву выходит Идзуми, наблюдает. В это время Сэн-тян, пользуясь тем, что на нее никто не обращает внимания, подходит к фонарю и начинает лить себе на рукава масло.

И д з у м и. Не мучайте, прошу вас, его вы, Сога-сан!
Жить без лица на свете — тяжелая судьба. Достоин уваженья отважный человек, не сломленный бедою, страшной которой нет.

Касается своего лица и содрогается.

Сэн-тян повторяет «волшебный жест», который изобразил Неслышимый перед фокусом с огнем.

С о г а. Я не учу вас танцам иль песням, госпожа. Вы тоже не учите, как службу мне нести...

С э н - т я н (*высекает кресалом огонь, поджигает трут и кричит*). Смотрите все, смотрите! Свершив волшебный жест, я тоже птицу Феникс сейчас представлю вам!

Зажигает свое кимоно. Оно вспыхивает, Идзуми отчаянно кричит. Сога застывает в растерянности. Не теряется лишь Неслышимый. Он бросается к девочке, голыми руками срывает с нее горящее кимоно, швыряет его на землю. Девочка испуганно плачет, но она цела. Неслышимый упал на колени, согнулся от боли и прижал обожженные руки к груди, но не издал ни единого стога.

Сога и Идзуми бросаются к Сэн-тян.

И д з у м и. Ах, что ты натворила! Глупышка, ты цела?

С о г а (*осматривая девочку*). Чудесное спасенье! Ожогов нет совсем. Но если б мигом позже поспел Нитонисё, сгорела б ты, дуреха, как пук сухой травы.

Идзуми прижимает к себе ученицу, а ронин переходит к Неслышимому, смотрит на его руки.

А с этим дело плохо... Вчистую обгорел. С ожогами такими ему не выступать. Расстроится Окасан. И парня тоже жаль. Повел себя он храбро. Ей-богу, молодец!

Все застывают: Идзуми и Сэн-тян обнявшись; Сога — положив руку Неслышимому на плечо; Неслышимый — повесив голову.

Свет гаснет. Занавес.

Поворот сцены.

Картина третья

Комната в чайном доме, отведенная жонглеру. Бумажные перегородки. Пол, покрытый соломенными циновками. Никаких украшений, никакой мебели — только низкий столик, на котором разложены необходимые для трюков предметы. В углу на скамейке стоит деревянная бадья с водой для умывания.

Неслышимый сидит на полу, низко опустив голову и сложив у лба крест-накрест замотанные тряпками руки. Он неподвижен.

Сказитель.

Один сидит убийца в убогой конуре.

В душе его бушует отчаянья пожар.

Себя он проклинает за глупый свой порыв.

Все дело загубил он, когда девчонку спас.

Покрыты волдырями ладони у него,

Обожжены все пальцы, беспомощны они.

Кого убьешь руками, в которых проку нет?

Такой позор синоби лишь смертью искупит...

Бьет в барабан.

Неслышимый вскакивает, исполняет пантомиму отчаяния: беспорядочно мечется по комнате, пытается найти способ лишить себя жизни. Хочет достать что-то из мешка, но руки не слушаются. Берет со столика веревку, но не может сделать петли. Наконец, валится ничком и молча, беззвучно катается по полу, бьется головой о циновки.

Сказитель (продолжает):

Но как лишиться жизни, когда калека ты?

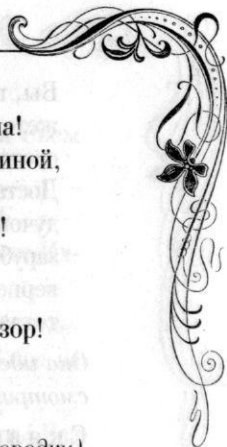
Кинжала не достанешь, не заплетешь петли.

Нет участи ужасней, отчаянья черней,

Чем если неспособен ты даже смерть принять.

Неслышимый приподнимается, на коленях ползет к бадье. Ему пришла в голову мысль: утопиться! Он опускает голову в воду и остается в этой позе.

Сказитель (продолжает):

Находит ниндзя выход. Честь будет спасена!

Вода в бадье — всего лишь в три суна глубиной,

Но волею железной синоби наделен.

Не кровью, так водою он смоев свой позор!

Сама судьба, как будто Идзуми пожалев,

Казалось бы, отводит уж занесенный меч.

Но кармы столь причудлив непознанный узор!

И часто себя сами мы губим невзначай...

Бьет в барабан.

Голос Идзуми (доносится из-за перегородки).

Позвольте мне войти к вам! ...Вы слышите меня? Я вас пришла проведать! Могу ли я войти?

Тело Неслышимого начинает сотрясаться в судороге, но он не меняет позы. Сёдзи раздвигаются. Там на коленях сидит Идзуми.

Сказитель.

Узрев картину эту, подумала она:

«Бедняжка! И умыться не может он без рук!

Не может снять он маски и вынужден вот так,

Лицо свое больное водой сквозь ткань мочить!»

Идзуми, поднявшись, быстро приближается к Неслышиму, трогает его за плечо. От неожиданности он рывком распрямляется. Маска вся вымокла, прилипла к лицу.

Идзуми. Позвольте снять с вас маску и вымыть вам лицо. Клянусь, смотреть не буду, коль это тяжело вам.

Он яростно мотает головой и отодвигается.

Ну хорошо, не стану. Я не за тем пришла... Я так вам благодарна, что вы спасли Сэн-тян! (Низко кланяется ему.) В саду я онемела от ужаса совсем и не могла ни слова тогда произнести.

Он неподвижно смотрит на нее. Глаза горят неистовым блеском.

Вы, верно, огорчились, что из-за ваших рук не сможете в спектакле участие принять? Но от ожогов средство есть верное одно. Мой батюшка был лекарь. Достался от него мне снадобий и мазей целебных сундучок. Там есть бальзам чудесный. Способен он за час зарубцевать ожоги и кожу подлечить. День-два, и к вам вернется вся ловкость ваших рук. Прошу вас только тотчас последовать за мной.

Она идет к выходу, оглядываясь на Неслышимого. Он смотрит на нее, но не двигается с места.

Сказитель.

Он верит и не верит. О, чудо из чудес!
Причудливая шутка негодницы Судьбы:
Сам полетел на свечку невинный мотылек.
Сама спасает жертва убийцу своего.

*Идзуми застывает на пороге, протянув к Неслышимо-
мому руку. Он начинает приподниматься и тоже за-
мирает.*

Затемнение. Занавес.

Поворот сцены.

Картина четвертая

*Комната Идзуми. Сёдзи широко раздвинуты. Неслыш-
имый сидит на циновке, его руки замотаны бело-
снежными бинтами. Рядом — Сэн-тян. На столике
угощение.*

*Сэн-тян сует Неслышимо-му в прорезь для рта палочку
с рисовым колобком.*

Сэн-тян. Какой вы непослушный! Велела госпожа ухаживать за вами и всё вам подавать. Пока бальзам врачует вам руки, я должна быть вашими руками. А ну, откройте рот!

Неслышимый отворачивается.

Сэн-тян. Вы кушать не хотите? Тогда я съем сама.

Съедает колобок, продолжает с набитым ртом:

Давайте я вам плечи и шею разомну. Я госпоже Идзуми так делаю массаж.

Вскакивает, садится у него за спиной, начинает делать массаж. Он пытается отодвинуться, но она не отстает.

Для вас я — что хотите! Вы только дайте знать! Раз жизнь мою спасли вы, я ваша навсегда. И если не поможет бальзам вас исцелить, я заменю вам руки, я не покину вас! Останетесь у нас вы на изживенный жить. Прислуживать я буду и госпоже, и вам.

Куда же вы пойдете — без рук, без языка? А здесь я вас раздену, одену, накормлю.

Неслышимый содрогается от подобной перспективы.

Добрее нет на свете моей Идзуми-сан, а вас нет благородней. Чего же мне еще? Какое будет счастье обним вам служить! ...Но я вас утомила? Хотите вы прилечь?

На эгаву выходит Идзуми. Она в нарядном кимоно, в руке у нее веер.

Идзуми. Я вам не помешаю? Пусть действует бальзам, а я пока продолжу готовить танец свой.

Сэн-тян садится к сямисену. Медленно и старательно, иногда сбиваясь, аккомпанирует. Идзуми исполняет танец. Неслышимый не отрываясь смотрит на нее.

Сказитель.

Следит за дивным танцем беспомощный злодей,
Любуясь поневоле движений красотой.

Что общего у танца Идзуми с ремеслом,

Которому синоби жизнь посвятил свою?

Казалось бы, немного. И все же сходство есть.

Закон единый: тайну в искусство возвести.

Югэн от глаз скрывает сиянье Красоты.
 Скрывает Путь синоби убийства черноту.
 Как Инь и Ян, стремятся друг к другу силы две,
 Без темноты нет света, без света — темноты.
 Охвачен странной дрожью, Неслышимый сидит
 И сам не понимает, что происходит с ним...

Идзуми прекращает танец, приближается к Неслышиму.

И д з у м и. Час миновал как будто. Посмотрим мы сейчас, помог ли вам, как должно, заветный мой бальзам. Прошу, позвольте руку... Вот так, благодарю. И если будет больно, подайте сразу знак.

Осторожно разбитовывает одну руку, осматривает ее, удовлетворенно кивая. Разбитовывает вторую.

Ну вот, другое дело. Осталась краснота и опухоль местами не до конца сошла. Теперь я дам вам зелья снотворного испить. Здоровый сон лечение с успехом завершит.

Онаготавливает зелье. Неслышимый с изумлением смотрит на ладони, шевелит пальцами.

Сказитель.

Глядит он и не верит. Ожогов больше нет!

Владеет он руками, вернулась сила в них.

Болезненны движенья, но это пустяки.

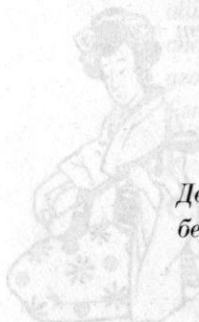
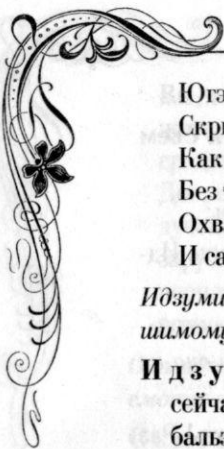
Исполнить долг свой сможет убийца без труда.

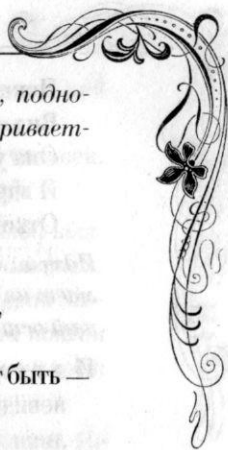
И д з у м и (*с поклоном подает ему чашку*). Вот, выпейте, прошу вас. Уснете быстро вы. А я побуду с вами, посторожу ваш сон.

(Ученице.) А ты поди, побегай. С характером твоим ты все равно на месте не сможешь усидеть. Начнешь скрипеть, вертеться, а это ни к чему. Нитонисё-сан должен сном крепким спать теперь.

Девочка с поклоном выходит. Неслышимый медлит, не берет чашку.

Ах, вам, наверно, больно пока ее держать. Позвольте я сама вас лекарством напою.

Она нежно берет Неслышимого рукой за шею, подносит к его губам чашку. Он вздрагивает, зажмуривается. Медлит, потом выпивает до дна.

Сказитель.

Нежданное желанье, нелепая мечта

Приходит вдруг к убийце. Он говорит себе:

«О, если яд смертельный сюда бы был налит,

С каким бы наслажденьем отраву выпил я!

И в следующей жизни — как знать, всё может быть —

Я мог бы возродиться совсем к иной судьбе.

Возможно, Провиденье свело бы нас опять,

И я тогда иначе себя бы с ней повел».

Идзуми опускает его голову на подушку в виде деревянной подставки. Неслышимый моментально засыпает — его грудь ровно вздымается. Гейша сидит и смотрит на спящего.

Сказитель.

Два чувства вызывает в Идзуми человек,

Который ученицу от лютой смерти спас:

Во-первых, восхищенье. Вот истинный герой!

Когда все растерялись, он был на высоте.

Второе чувство — жалость. Он нем, он без лица!

О как ему, должно быть, на свете тяжело жить!

Глядит она, вздыхает. Попеременно в ней

То восхищенье вспыхнет, то жалость верх возьмет.

Беда, коль в женском сердце поселится восторг.

Еще опасней жалость отзывчивой душе.

Когда ж соединятся два эти чувства вдруг,

От этого слиянья ждоть нечего добра.

К тому прибавим тайну. Мужчина без лица

Пугает и прельщает загадкою ее.

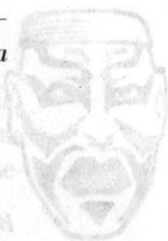
Обычного мужчину, как он ни будь красив,

Идзуми из гордыни любить бы не смогла.

Но этот предстает ей десятком тысяч лиц —

Как будто все мужчины у ног ее лежат.

Один есть только способ видение изгнать —

Пока он спит, под маску украдкой заглянуть.
Вид страшного уродства Идзуми отрезвит.
Она уж руку тянет, чтоб маску приподнять —
И вдруг, порывом странным охвачена, она
Отходит и садится пред зеркалом своим...

Идзуми садится перед туалетным столиком, поднимает на шкатулке крышку, смотрится в зеркало. Спящий остался у нее за спиной.

И д з у м и (взволнованно, вполголоса). Югэн всегда невидим! Сокрыта красота! Сорвать ее покровы — лишь тайну погубить. Возлюбленный без лика! Вот истинный югэн! Мое воображение тут может сотворить прекраснейшее в мире, волшебное лицо!

Его любить я буду! Да, это решено: собой мы явим пару, каких не видел свет. Я — лучшая из женщин, он — лучший из мужчин. Я хороша, он — лучше, как яви лучше сон.

Меня увидеть всякий способен без труда. Его ж краса открыта одной лишь будет мне!

Внезапно Неслышимый бесшумно поднимается и выскальзывает из комнаты. Идзуми этого не замечает.

Мы, женщины, телесны, пугливы и слабы. Такими сотворил нас природный женский Инь. Бесстрашен, бестелесен избранник будет мой. Ведь истинный мужчина есть воплощенный Дух! Мое лицо увянет, Краса моя умрет, но Дух бесплотный вечен. Он — то, что нужно мне!

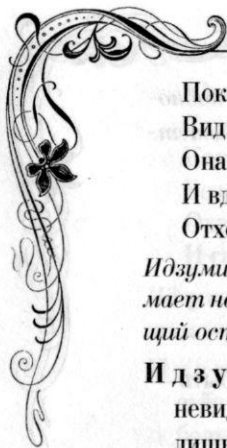
Порывисто оборачивается. Видит, что спящий исчез. Продолжает растерянно:

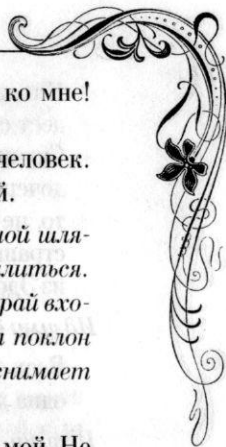
И вправду бестелесен... И вправду, словно Дух... Мои слова он слышал? В смущеньи убежал?

Хватается за голову.

Раздвигаются сёдзи. Заглядывает Сэн-тян.

С э н - т я н. К вам человек явился. Увидеть хочет вас. Лицо его закрыто. И имя не сказал...

И д з у м и. Лицо его закрыто? Вернулся он ко мне!

Нитонисё, входите! Зачем же вы ушли?

С э н - т я н. Нет, госпожа Идзуми, другой то человек.

Судить по платью, важный какой-то самурай.

Входит самурай в низко надвинутой соломенной шляпе. Нетерпеливым жестом велит ученице удалиться. Она с почтительным поклоном исчезает. Самурай входит в комнату, закрывает за собой сёдзи. На поклон гейши отвечает кивком. Садится перед ней, снимает шляпу. Это господин Кубота.

К у б о т а. Надеюсь, не узнала девчонка голос мой. Не нужно, чтоб болтали про этот мой визит.

И д з у м и. Вы, господин Кубота?! Какой неожиданный гость! Ах, чем я заслужила неслыханную честь?

Кланяется снова, еще ниже.

К у б о т а. Князь прибыл нынче в Эдо и тотчас приказал не мешкая устроить смотрины среди гейш. В день завтрашний он должен явиться ко двору, но послезавтра утром зовет вас всех к себе.

Идзуми кланяется и делает жест «Радостное ожидание».

Советовал ему я особо обратить на гейшу из «Янаги» внимание свое.

Идзуми кланяется и делает жест «Бесконечная признательность».

Сказал, она изящна и подлинный югэн собою воплощает, единая из всех.

Идзуми кланяется и делает жест «О, незаслуженная похвала!».

Сказал, что благородство, изысканность души с небесной красотой соединяешь ты.

Идзуми кланяется и делает жест «Милое смущение».

Теперь почти уверен я в выборе его, и все же мне тревога покоя не дает. Я знаю его светлость. Влиянием чужим подвержен он безмерно, доверчив и горяч.

Наложница, что в замке поселится у нас, вмиг завладеет сердцем и мыслями его. Княгиня — не помеха. Скучна она умом, из года в год рождает одних лишь дочерей. И если князю сына наложница родит, ничто не поколеблет владычества ее. Подумать даже страшно, что будет, коли князь какую-нибудь стерву из Эдо привезет!

Идзуми делает жест «Деликатное сочувствие».

Всех лучших гейш столицы я князю подобрал, но ты одна достойна наложницею стать.

Идзуми кланяется и делает жест «Почтительное сомнение».

Страшишься ты чужбины? Я помогу тебе, и быстро обживешься ты в Сацуме у нас. Союзники мы будем надежные с тобой и князя от ошибок сумеем уберечь.

Идзуми кланяется и делает жест «О, беспредельна ваша мудрость!».

Но прежде без осечки нам нужно сделать так, чтоб не оставить шансов соперницам твоим. Я вкусы господина отлично изучил. Запомни хорошенько, что я тебе скажу: любимый танец князя — «Журчащий ручеек».

Идзуми кивает.

Из песен больше любит «Крик журавлиный» он.

Идзуми кивает.

Надень совсем простое, без блеска кимоно. Спусти пониже вырез да локти покажи. Всегда был его светлость ценителем большим красивой женской шеи и белизны локтей.

Идзуми поднимает руки, и опустившиеся рукава обнажают ее локти. Кубота восхищенно качает головой.

Я вижу, ты советы хватаешь на лету. Могу не опасаться я за смотрин исход.

Поднимается, они обмениваются поклонами. Кубота надевает шляпу и выходит. Идзуми остается одна.

Она держится за виски и слегка раскачивается, словно ива под ветром.

В саду, таясь, появляется Неслышимый. Он смотрит на Идзуми.

Сказитель.

Воистину бесценны советы старика.

С их помощью Идзуми, конечно, победит.

Но отчего невесел ее прекрасный лик?

Какие мысли тенью легли ей на чело?

В сад входит О-Бара, гуляющая под солнечным зонтиком. Она тоже останавливается перед цветущей яблоней, как бы любуясь ее красотой. Неслышимый прячется глубже в тень.

Идзуми заметила О-Бару — всплеснула руками.

Идзуми. Ах, милая сестрица! Прошу, иди сюда! Мне нужно тебе нечто скорее сообщить!

О-Бара поднимается в павильон, садится напротив Идзуми. Они начинают разговаривать. Слов не слышно, но пантомима красноречива: Идзуми горячо говорит, О-Бара взволнованно слушает, то и дело кланяясь в знак благодарности.

Сказитель (комментируя их беседу).

Не хочется Идзуми наложницею быть.

Доверием Куботы пренебрегла она.

Но честью заведенья пожертвовать нельзя.

Другая из «Янаги» пусть гейша победит.

Все хитрости О-Баре поведала она:

О танце и о песне, о скромном кимоно,

И об открытой шее, о белизне локтей.

О-Бара преувеличенно низко опускает ворот кимоно, рукава задирает чуть не до плеч. Идзуми кивает: да-да, именно так.

Сама пообещала похуже выступать.

От радости О-Бара не знает, что сказать.

Расчувствовались обе и крепко обнялись.

Гейши изящно обнимаются, не касаясь щеками, чтобы не повредить слой белил.

О - Бара. Идзуми дорогая! Какой счастливый день!
Соперничать так горько мне с названной сестрой!
Меня ты победила, без боя уступив. Такого благо-
родства никак я не ждала!

И д з у м и. Нет, то не благородство. Я просто поня-
ла, что фаворитки участь не греет душу мне. Тебе
судьба такая скорее подойдет, а я предпочитаю
свободу сохранить.

*Гейши снова обнимаются, причем О-Бара осторожно
салфеткой снимает со своих глаз слезинки.*

Выходит, с поклоном закрывая за собой сёдзи.

*Спустившись в сад, останавливается перед яблоней.
Оглядывается на павильон.*

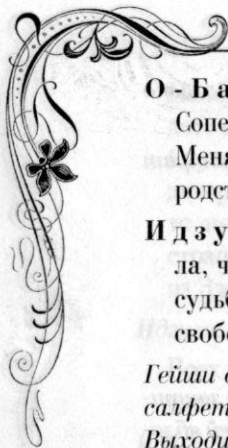
О - Бара (тихо). Спасибо за подсказки, теперь я знаю
всё, чтоб рыбку золотую поймать наверняка. А всё
еще вернее добуду я успех, коль буду от «Янаги»
одна я выступать. Соперницы другие несколько не
страшны, но ты, моя Идзуми, ступай-ка на тот свет!

*С яростью обламывает самую красивую ветку яблони
и уходит, обмахиваясь ею.*

*С противоположного края сцены из тени выходит Не-
слышимый и провожает ее взглядом.*

Затемнение. Занавес.

Поворот круга.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Комната О-Бары. Сбоку светится бумажный фонарь. Посередине в золоченой фарфоровой вазе красуется ветка яблони. Сама О-Бара поправляет грим. Юба сидит рядом, подавая госпоже баночки, кисточки, притирания. Обе начинают двигаться после того, как звучит удар барабана. У О-Бары чудесное настроение, она поет, время от времени поглядывает на ветку.

О - Б а р а (после паузы). И кто ж этот проказник?

Ю б а. О чем вы, госпожа?

О - Б а р а. Кто у тебя любовник? Рассказывай давай.

Ю б а. Ах, что вы говорите! Клянусь вам, никого...

О - Б а р а (перебивает). Брось, я не верю клятвам. Зато я по глазам и ста приметам разным всегда могу сказать, любовник есть или нету, а есть — хорош ли он. Твой, вижу я, умеет порадовать тебя. Вот мне и любопытно, откуда взялся он. Ишь покраснела, дура. Чему смущаться тут?

Ю б а. От вас не утаишься. Он... просто человек.

О - Б а р а. Богатый хоть?

Ю б а. Не очень.

О - Б а р а. Ох, так и знала я. Выходит, ты сияешь из-за любовных ласк, а не из-за подарков и золотых монет? Была ты, Юба, душой, так душой и умрешь. Гляди только, не вздумай мне брюхо нагулять! Не слишком увлекайся ты плоти баловством. Любовь — хмельная штука, но проку мало в ней.

Ю б а. Но без нее не в радость и жизнь, как говорят...

О - Бара. Цена за эту радость бывает велика.

Ю ба. Не жаль цены высокой, коли товар хорош.

О - Бара (*удивленно обернувшись*). Вот новости! Ты спорить затеяла со мной? Грязна любовь земная. Всю вымажет в земле да бросит в грязной луже. Останешься ни с чем. Никчемная девчонка! Ах, как же ты глупа! Я в Сацуму, пожалуй, поеду без тебя. Придворной фаворитке в наперсницы нужна лисица! Рысь! Волчица! Змея! Не то, что ты.

Ю ба (*клянясь в пол*). Простите, я исправлюсь! Ах, не гоните прочь! Усердной ученицей я вашей быть клянусь!

О - Бара. Ну ладно, там посмотрим... Пойду, пожалуй, в сад. Хочу для икэбаны нарвать себе цветов.

Ю ба. Угодно вам какие? Скажите — я сорву.

О - Бара (*любовно поглаживая яблоневую ветку*). Ой нет, для ветки этой сама я подберу достойное соседство. А ты тут прибери.

Выходит.

Юба высовывает ей вслед язык. Поворачивается, подает сигнал.

По удару барабана в комнату с другой стороны крадучись входит Киндзо с мешком за спиной.

Киндзо. Хозяйку я обчистил. Взял деньги, жемчуг, шелк. Теперь давай пощиплем О-Бару мы твою. Узнала ты, где прячет все ценности она?

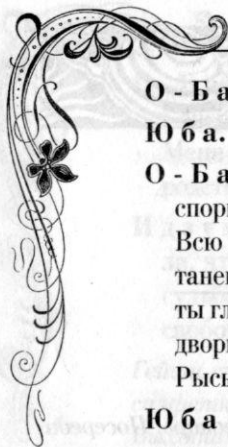
Ю ба. Вчера я подглядела. Вон там у ней тайник.

Показывает на ножку столика.

Киндзо приподнимает столик, открывает тайник, вынимает оттуда яшмового дракона.

Киндзо. И всё? А говорили, припаслива она и будто бы любовник богатый у нее.

Ю ба. Должно быть, и для денег есть у нее тайник. Открыть его мне только, прости, не удалось.

Киндзо (*сунув дракона в мешок*). Плевать! Дракон из яшмы, наверно, дорогой. С какой иначе стати так прятать бы его? А главная добыча моя в «Янаги» — ты! Пойдем отсюда к черту, нас путь неблизкий ждет!

Они выходят на ханамити.

За ними задвигается занавес.

Свет меркнет.

Первое мигтюки

В мигтюки всё действие происходит на помосте ханамити. Киндзо и Юба идут стилем «коаруки», то есть, изображая ходьбу, почти не двигаются с места. Он шагает с мешком за плечами, ведет ее за руку. Юба приподняла полы кимоно и шагает не по-женски, а по-мужски — широкими шагами, что символизирует ее разрыв с «Миром цветов и ив», где царят искусственность и аффектированная женственность. Поначалу она то и дело оглядывается на закрытый занавес, потом перестает. Ветер растрепал ее прическу.

Юба. А если будут гнаться за нами?

Киндзо. Наплевать!

Юба. А вдруг в тюрьму посадят? Тогда что?

Киндзо. Наплевать!

Юба. А вдруг себе мы крова не сыщем?

Киндзо. Наплевать!

Юба. А ты меня не бросишь? Скажи мне!

Киндзо. Напле... (*поправляется — и с широким жестом*) ни за что!

Сказитель.

Спешат они подалее уйти из этих мест.

Прически раздувает греховный ветер им.

Влечет любовь земная в неведомый их путь
 По тропам под ногами пружинящей Земли —
 Земли жестокой, доброй, обильной и скупой.
 Бродить по ней скитальцам, пока в конце концов
 Любовь земную в землю не упечет Земля,
 И беспечальный ветер развеет праха гореть...

Свет гаснет.
 В темноте Киндзо и Юба исчезают.

Картина вторая

Снова комната О-Бары. Входит гейша, в руках у нее цветы. За ней следует укутанный в плащ Футоя. О-Бара поворачивается к нему, и оба застывают на месте.

Сказитель.

Сообщника О-Бара к себе призвала вновь,
 Сказать, что всё готово, что подан тайный знак.
 Неведомо злодейке, что следует за ней
 Бесшумный соглядатай отныне по пятам.

Бьет в барабан. По ту сторону бумажной перегородки появляется Неслышимый и чуть раздвигает сёдзи. О-Бара и Футоя снова двигаются.

О - Б а р аИ не сегодня-завтра наступит ей конец.
 Ничто не помешает успеху моему.

Садится к столу, вдумчиво и неторопливо начинает составлять икэбану. Футоя садится рядом.

Все то, чего желали мы с вами, милый друг, вот-вот осуществится. Сомнений в этом нет.

Фу то я. Известие благое! Теперь прошу отдать вещицу, что доверил я на хранение вам. Знак подан, для Идзуми последний час настал. Мгновенно исполняют синоби приговор. В любой момент посланец

явиться может вдруг, и должен буду тут же дракона я вернуть.

О-Бара не спеша заканчивает составлять букет. Потом приподнимает столик, открывает тайник, шарирует в нем. Думает, что перепутала ножку и поочередно щупает в каждой из них.

Сказитель *(тем временем).*

Внимает разговору Неслышимый — и вот
Ясна вся подоплека становится ему.
Заказчики убийства здесь оба перед ним.
По их вине Идзуми он должен умертвить!
С каким бы наслаждением О-Бару и купца
Предал он лютой смерти, и платы бы не взял!
Но в правилах синоби содержится запрет
Без веских оснований заказчиков карать...

О - Бара. Куда ж он подевался? Отлично помню я, как прятала дракона в заветный свой тайник...

Футоя. Тут шутки неуместны! Отдай мне талисман!

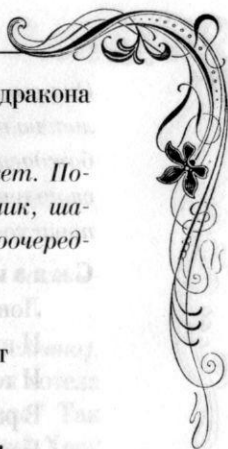
О - Бара. Проклятье! Он украден! Глазам не верю я! Вот выдолблена ножка. Надежнейший тайник!

Футоя переворачивает столик.

Футоя. Я понял! Догадался! О, подлая змея! Избавиться теперь ты желаешь от меня? Я стал тебе не нужен? Полезность исчерпал? Отдать меня ты хочешь на растерзанье им? *(С силой хватает ее за плечи.)* За своего дракона убьет меня дзёнин! Того тебе и нужно! Отдай его, отдай!

О - Бара *(сопротивляясь).* С ума сошли вы, что ли? Пустите, идиот! Союзники мы с вами! Зачем мне вас губить? Должно быть, это Юба ограбила меня! В ней странную строптивость я стала замечать...

Футоя *(не слушая).* Отдай дракона, стерва! Из-за любви к тебе грехом свою я карму испортил на века!

Она вырывается, он гоняется за ней по комнате. Валил на пол, но О-Бара сильна и ловка, она снова высвобождается. Наконец оба падают и начинают кататься по циновкам, колотя и царапая друг друга. Всё это происходит без слов и криков, пантомимически.

Сказитель (во время пантомимы).

Ловушки нам готовит насмешница судьба
И праведным, и грешным. Никто не защищен.
И то-то ей веселье, коль хитрый рыболов
В расставленные сети оплошно попадет.
Неслышимый ликует. Что-что? Дракон пропал?
Теперь имеет право к ответу он призвать
Людишек, подписавших Идзуми приговор!
Синоби безязыкий берет бумагу, кисть...

Неслышимый вынимает из-за пояса свиток, отрывает от него кусок. Достает переносную тушечищу, кисточку и быстро что-то пишет.

И пишет на бумаге: «Исполнен приговор.
Прошу вернуть дракона, как повелел дзёнин».

Удар в барабан.

Синоби рывком открывает сёдзи и входит в комнату.

О - Бара. Довольно! Перестаньте! Мы с вами не одни! (Неслышимоу.) Как смел без приглашенья явиться ты, фигляр?

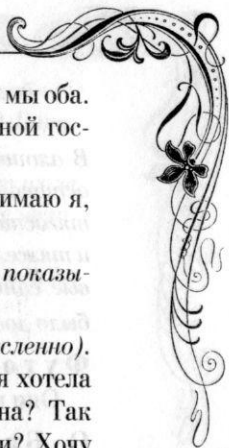
О-Бара и Футоя расцепляются. Оба садятся, пытаются привести одежду и волосы в порядок.

Неслышимый, не обращая внимания на гейшу, подает купцу листок.

Футоя. Бумага? Что такое? Даешь ты это мне? (Читает про себя, вскрикивает.) Всемиловитый Будда!
Она уже мертва!

Неслышимый достает из-за пазухи кинжал с змеобразным клинком, показывает его и протягивает руку за драконом.

Ф у т о я (*отползая на корточках*). Заказчики мы оба. Дракона я отдал на сохраненье этой почтенной госпоже.

О - Б а р а. Он врет! Впервые слышу! Не понимаю я, о чем вы говорите! Какой еще заказ?

Неслышимый поднимает с пола ветку яблони и показывает гейше.

О - Б а р а (*поняв, что отпираться бессмысленно*). Да-да, прошу прощенья. На всякий случай я хотела осторожность вначале соблюсти. Мертва она? Так быстро? Исполнен наш заказ? Возможно ли? Хочу я ее увидеть труп.

Ф у т о я (*громким шепотом*). Ты нас погубишь, дура! Не оскорбляй его! В таких делах синоби заказчикам не лгут! Отдай ему дракона! Твой фокус не прошел! Иначе нас обоих прикончит он сейчас!

О - Б а р а (*тоже шепотом, отползая к стоящему на полу бумажному фонарю*). Дурак вы сами, сударь! Дракона нет, пропал! Хотите жить — молчите. И не мешайте мне!

Футоя, кланяясь грозному посланцу, на карачках подползает к ней. Неслышимый смотрит на них, требовательно протягивая ладонь. Кинжал он снова спрятал за пазуху.

О-Бара опрокидывает фонарь, он гаснет. Темнота.

Г о л о с О - Б а р ы. Спасайте меня, ноги!

Г о л о с Ф у т о и. Постой! А как же я?

Слышен топот ног.

Занавес закрывается.

Во время сцены митиюки
там меняется декорация.

Второе мигтюки

В пятне света О-Бара и Футоя бегут по ханамити, оставаясь на месте. Они будто вязнут в песке; их бег тягостен, как в кошмарном сне; дышащие прерывистое и тяжелое. Гейша опередила купца. Она сбросила лаковые сандалии и заткнула полы кимоно за пояс, чтоб было ловчее бежать.

Ф у т о я. Бесмысленное бегство! От них не убежать! Они нас всюду сыщут, хоть и на дне морском!

О - Б а р а (не оборачиваясь). Бегу я не от ниндзя, а от тебя, болван. Дракона не брала я, не мне и отвечать!

Футоя прибавляет скорости, нагоняет ее.

Ф у т о я. Неужто не любила меня несколько ты?

О - Б а р а. Любила, отчего же. Но тут не до любви!

Ф у т о я. Права ты, как обычно. Да и совет неплох. Пускай тебя он кончит, а я пока сбегу.

Хватает ее за рукав, швыряет на землю. Сам вырывается вперед.

Мне только бы сегодня от смерти убежать, а после от дёнина деньгами откуплюсь!

О-Бара хватается за полу кимоно, он падает. Оба вскакивают и продолжают свой панический бег, толкаясь.

С к а з и т е л ь.

Во всей красе пред вами та смрадная любовь,

Что в первом акте «адской» Окасан назвала.

Любовники пылают сияющим огнем,

Но тот огонь не греет им души, а студит.

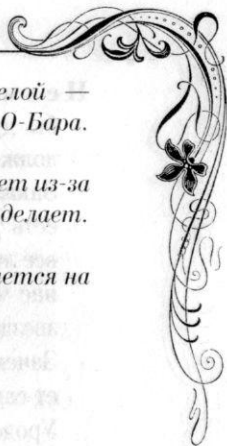
Здесь каждый суетится, за прибылью бежит,

Зияет преисподня в конце того пути...

Бьет в барабан.

Луч выхватывает из темноты стоящего перед занавесом Неслышимого. Он подносит ко рту бамбуковую

духовую трубку, плюет отравленной стрелой — и Футоя падает. Еще один плевок — падает О-Бара. Они корчатся на земле и затихают.

Неслышимый приближается к трупам. Достает из-за спины змеиный кинжал, нагибается, что-то делает. Луч гаснет.

Темнота. Слышно, как Неслышимый возвращается на сцену.

Шелестит занавес.

Удар барабана.

Картина третья

Снова заброшенный храм. Внутри темно, лишь одинокий луч освещает Неслышимого. Он сидит без маски, но лица не видно, поскольку актер повернут к залу спиной. Руки вытянуты в стороны: в левой — женская голова, в правой — мужская.

Сказитель.

Неслыханное дело! Не выполнив заказ,
Синоби о свиданьи дзёнина попросил.
Прошенье ему подал, чтобы заданье снять,
Поскольку сам заказчик нарушил уговор...

Бьет в барабан.

Изваяние Будды тускло подсвечивается сзади. Слышится голос.

Неслышимый кладет головы на пол, руки почтительно складывает на колени, голову наклоняет.

Невидимый. Неслышимый, прочел я прошение твое, и трудно возмущенье мне было одолеть. Когда бы не заслуги великие твои, тебе бы повелел я окончить жизнь твою.

Неслышимый вынимает змеиный кинжал и приставляет его к своему горлу, демонстрируя готовность немедленно исполнить подобный приказ.

Невидимый (продолжает). ...И передал заказ бы другому храбрцу. Исполнен непременно быть должен приговор.

Заказчик ни при чем тут. И жертва ни при чем. Но есть у нас, синоби, священный чести долг. Законы все людские переступаем мы, исчадиями ада считает нас молва. Наш путь лежит во мраке, но есть одна звезда, свет коей осеняет крадущийся наш шаг.

Зачем живет на свете, не знает человек. Придумывает сам он игрушки для себя. Добро и Зло придумал, Уродство, Красоту, и этими цепями он сам себя сковал. Но ведомо лишь Будде, что Зло, а что Добро; красивое уродством становится легко. А истинную ценность имеет лишь одно: раз выбрав Путь, не сбиться и не свернуть с него.

Синоби Путь — убийство. Вот наше ремесло, в высокий ранг искусства оно возведено. Всегда будь верен чести. Иди на свет звезды. Кто ты без чести? Просто убогий душегуб.

Голова Неслышимого клонится все ниже. Наконец он простирается ниц в знак беспрекословного повиновения.

Ну то-то же. Исполни ты в точности приказ, и слабость тебе эту прощу я, так и быть.

Еще одно заданье. Дракона мне найди. Ты жизнью отвечаешь за этот талисман...

Подсветка изваяния гаснет. Неслышимый резко распрямляется. Сидит в неподвижности, в точности напоминая силуэтом Будду.

Сказитель.

Суровыми словами дзёнина устыжён,

Неслышимый их правду всецело сознает.

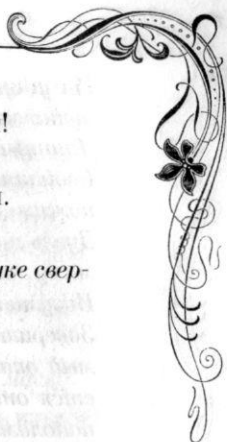
Зачем он жил на свете? Зачем он сеял смерть?

Зачем без колебаний язык отрезал свой?

К чему всё это было, коль он свернет с Пути?

Такая жизнь и чести, и смысла лишена.

Прожить нельзя без крови акуле или льву.
Нельзя прожить синоби без верности Пути!
Так говорит себе он, крепя ослабший дух.
В борьбе любви и долга последний победил.

Удар в барабан.

Неслышимый вскакивает и застывает, в его руке сверкает змеиный кинжал.

Затемнение, занавес.

Поворот сцены.

Картина четвертая

Сад перед павильоном Идзуми. Ночь. Сёдзи задвинуты, но внутри горит свет. Виден силуэт гейши, меланхолично перебирающей струны сямисена.

Градучись, выходит Неслышимый. Останавливается перед энгавой. Обнажает кинжал. Застывает в неподвижности.

Сказитель.

И той же самой ночью, покорствуя судьбе,
Отправился синоби, чтобы исполнить долг.
Сегодня совершится, что кармой суждено.
Ведь человек невластен судьбы исправить ход.
И все ж, едва увидев знакомый силуэт,
Неслышимый замедлил бесшумные шаги...

Бьет в барабан.

На краю энгавы появляется Сога. Видит Неслышимого с кинжалом в руке, выхватывает меч и молча, яростно нападает на убийцу.

Следует сцена необычного поединка: он происходит совершенно беззвучно. Оба противника двигаются, не производя никакого шума. Особенность фехтовального искусства синоби состоит в том, что он защищается

от ударов не клинком, а стремительными перемещениями, прыжками, подчас даже делает сальто. Длинный меч Сога все время рассекает пустоту. Свой кинжал Неслышимый вообще прячет в потаенные ножны, за спину.

Дуэль напоминает акробатический балет или пантомиму; музыкальным сопровождением является игра Идзуми на сямисене.

Завершается схватка следующим образом: Неслышимый оказывается около цветущей яблони, уворачивается от очередного удара, и меч рассекает деревце пополам. Сога невольно оглядывается на падающую яблоньку. Этого мгновения Неслышному достаточно, чтобы выхватить кинжал и вонзить его в грудь роницу. Одновременно с этим музыка обрывается, свет в павильоне гаснет.

Синоби подхватывает тело, будто обнимая его, и медленно опускает на землю. Оглянувшись на павильон точно так же, как в первом акте Сога, прячет труп под зигаву. Кинжал снова в ножнах.

Потом Неслышимый поднимается на веранду. Приоткрывает сёдзи, проскальзывает внутрь и задвигает их за собой.

Пауза.

Сказитель негромко, но часто бьет в барабан, имитируя стук колотящегося сердца.

Г о л о с И д з у м и. Кто дышит здесь? Во мраке кто смотрит на меня?

Снова загорается фонарь. Видно силуэты: Идзуми приподнялась на ложе, над ней стоит Неслышимый. Дальнейшее представляет собой театр теней.

И д з у м и. Ах, это ты? Я знала, что ты ко мне пришел!

Неслышимый пятится.

Ну что же ты смутился? Был смел — и оробел? Ты думаешь, тебя я с презреньем оттолкну? Так знай же, с нетерпеньем тебя я здесь ждала.

Протягивает к нему руки.

В любви мне признавались другие столько раз, что первой мне признание не стыдно произнести. Люблю тебя всем сердцем, ты послан мне судьбой. И, знаешь, все равно мне, уродлив ты или нет. Ах, глупость я сказала! Теперь твое лицо мне станет идеалом небесной красоты. Смазливые мордашки отныне будут мне уродливы казаться, противно и смотреть! Сними скорее маску! Доверие твое я восприму с восторгом, как драгоценный дар!

Удар барабана. Неслышимый рывком сдирает маску.

И д з у м и (в замешательстве). Но нет в тебе изъяна! Прекрасен ты лицом! Зачем, не понимаю, скрываешь ты его? Безмолвен и прекрасен избранник милый мой, как месяц в черном небе, как яркая звезда!

Без грима, как без маски, сейчас я пред тобой. Меня ты тоже видишь такой, какая есть... Давай же поклянемся, что больше никогда не станем друг от друга мы прятать своих лиц. Я не хочу быть гейшей! С тобою я уйду! Мы будем просто двое — такие же, как все. Или почти такие... Что нем ты — не беда. Увидишь, говорлива я буду за двоих.

Ах, разве это важно — случится что потом. Здесь и сейчас, любимый, с тобою вместе мы!

Он простирает к ней руки, она тянет его на ложе.

Гаснет сначала свет в павильоне, а потом и на всей сцене.

Тихая музыка.

Занавес.

Третье мигтюки

На ханамити выходит Неслышимый, держа в поднятой руке фонарь. Зрители впервые видят его лицо, оно бесстрастно. За Неслышимым идет Идзуми с узлом в руке. Ее лицо, без белил и грима, освещено лучом. Одет она в простое темное кимоно. Оба застывают.

Сказитель.

В час темный, предраассветный, ушли они вдвоем,
Покинув дом «Янаги», отринув прежний мир.
Так думает Идзуми... Куда их путь лежит,
Она и не спросила. Идет, куда ведут.
Болтает беспрестанно счастливым голоском.
Прекрасной ночь глухая ей кажется сейчас...

Бьет в барабан.

Оба исполняют «коаруки», но Неслышимый при этом шагает широко, а Идзуми, в соответствии с канонами женственности, мелко переступает.

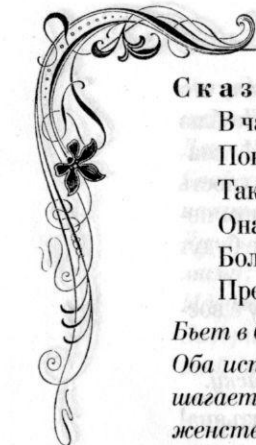
И д з у м и. На небе звезд не видно, не видно и луны. Исчезнем, растворимся с тобою мы в ночи. Казалось мне, кометой промчится жизнь моя. Прочертит след по небу и сгинет без следа. Но участь мне иную готовила судьба: я буду жить с любимым, как тысячи живут. Травинкой среди травинок, листком среди листков. Я счастлива с тобою такой же быть, как все! Зачем только велел ты с собой взять кимоно, в котором выступала пред публикою я? *(Показывает на узел.)* Для скромной жизни слишком роскошное оно, из дома в нем не выйти, гостей в нем не принять...

Внезапно Неслышимый останавливается, оборачивается к ней.

И д з у м и *(кладя узел).* Ты выбрал это место, чтоб сделать здесь привал? Ты прав, здесь так красиво: обрыв, под ним река... *(Походит к краю ханамити, смотрит вниз.)* Вот истинный «Карюкай», тот мир цветов и ив, где, верная юэгу, таится Красота...

Тем временем Неслышимый достает из узла кимоно, расстилает его на земле. Потом вынимает из рукава свиток бумаги, подает спутнице.

И д з у м и *(с тихим смехом).* Писал перед уходом ты что-то, помню я. Написанное только не дал мне прочитать. Но я сообразила: любовные стихи? Ты выбрал это место, чтоб показать мне их?

*Берет одной рукой бумагу, другой — фонарь. Читает.
Через некоторое время фонарь начинает дрожать.*

Сказитель.

О, бедная Идзуми! То вовсе не стихи.
Синоби признается в проклятом ремесле.
Он пишет: на погибель она обречена,
Одно лишь ей спасенье — исчезнуть без следа.
Должна она покинуть столицу навсегда
И жизнь начать сначала, в далекой стороне.
Ее он отпускает, чем губит честь свою.
Без чести жить мужчине на свете ни к чему.
Проступок свой обязан он смертью искупить,
Но перед этим хочет со следа сбить убийц.
Найдут здесь, на обрыве, Идзуми кимоно,
Забрызганное кровью, а тела не найдут.
Подумают, он в воду труп скинул, и река
Покойницу теченьем куда-то унесла.
Труп самого синоби отыщется иль нет,
Неважно — для дзёнина всё ясно будет тут.
Решит он, что исполнил посланец приговор,
Но разыскать дракона, как видно, не сумел
И, следуя обету, прервал он жизнь свою.
Так поступают ниндзя, кто честью дорожит.
В последних самых строчках ужасного письма
Неслышимый ей пишет прощальный свой завет:
«Беги! Живи! Спасайся! А обо мне забудь.
Пусть для тебя останусь я тенью без лица».

Неслышимый надевает маску.

Оцепенев, Идзуми не знает, что сказать.
Не может шевельнуться, ей мнится: это сон,
Сон дикий, несурзанный. Проснуться б поскорей!
Без слов свершилось это прощание с немим...

Бьет в барабан.

Неслышимый выхватывает из-за спины змеиный кинжал, пронзает себе горло, нагибается, чтобы кровь пролилась на расстеленное кимоно, разворачивается

и падает с обрыва (в темный угол между ханамити и стеной). Раздается всплеск воды.

Идзуми пронзительно кричит. Роняет фонарь — всё погружается в темноту.

Слышится пение заукокойной сутры под мерные удары барабана.

В это время актриса должна проскользнуть за занавес, захватив фонарь и кимоно.

Картина пятая

Комната Идзуми.

Она неподвижно стоит на пороге комнаты, в которую только что вернулась.

Сказитель.

Пути не разбирая, не видя ничего,
Брела в ночи беззвездной Идзуми наугад.
Но вот она очнулась. И видит: в тот же дом
Назад ее вернули бездумные шаги.
Так кукла из театра, как кончится спектакль,
Безжизненной ложится в привычный свой сундук...

Бьет в барабан.

Идзуми медленно озирает комнату, будто видит ее впервые, и садится перед шкатулкой, в профиль к залу. Смотрит на нее, поднимает крышку с зеркалом.

Сказитель.

Полжизни просидела пред зеркалом она,
Любуясь отраженьем прекрасного лица.
Вот и теперь в поверхность зеркальную она
Глядит, как будто хочет там истину узреть.
«Он был убийца, ниндзя. А кто такая ты?
Кто ты на самом деле? Зачем ты родилась?»
Пытливо вопрошает у зеркала она.
Как если б отраженье могло ей дать ответ...

И д з у м и (*экстатически*). «Без чести жить мужчине на свете ни к чему», — сказал он и покинул меня в ночи глухой. Спросить я не успела, от ужаса застыв: «А женщине без чести на свете можно жить?» Так кто же я такая? Я гейша, и мой Путь — быть женщины прекрасной нетленным образцом. А чтобы стать нетленной, отличный есть рецепт: историю Идзуми в легенду превратить. Пусть сочинят поэмы, пусть драмы сочинят о гейше и синоби, предавшихся любви. Из них был верен каждый искусству своему. Когда ж любовь внезапно им преградила Путь и невозможно было преграду обойти, они взлетели в небо, высоко над землей, туда, где честь с любовью в гармонии живут...

Достает из шкатулки стилет, смотрит на него. Продолжает тихо, безо всякой аффектации.

Всё глупости, любимый. Хочу я быть с тобой. А прочее — лишь гейши пустая болтовня. Сквозь черноту и вечность нам суждено лететь с тобой в беззвездном небе кометами двумя...

Вонзает стилет в горло. Свет гаснет, и тут же над залом, как две кометы, загораются два луча.

Занавес.

